

Сергей Ивкин

«Только для своих»: манифестация вкуса

В личной беседе издатель и составитель серии книг «Только для своих» Александр Петрушкин сказал, что единственным кри-

терием отбора авторов и текстов является его собственный вкус, других причин издавать эти стихи нет: «чем больше в этом мире

будет того, что ему дорого, тем меньше мест ост нется для того, что ему видится случ й-ным и лишним». Т ким обр зом, для меня эти книги лишены к кой-либо политики, я имею полное пр во говорить о них исклю-чительно к к чит тель.

Книга 00. Наталия Черных. «Четырнадцать»

Можно ли, следуя з Фр нциском Ассизским, проповедов ть цвет м и птиц м? Речь будет построен по-другому. Потому что ищешь не человеческого вним ния и поним ния, собственного прозрения. Т к я речь состоит из восклиц ний и одёржив ний себя, из стр х з йти слишком д леко и открытия всех н йденных мфор П ндоры. Именно к одинокой проповеди пришл Н т лия Черных в книге «Четырн дц ть». У этих стихов нет дрес т , они пуг ют и н пряг ют, слово подсм трив ешь то, что тебе не просто з прещено, оп сно видеть. И именно потому эт книг требует глубокого прожив ния, сопережив ния, осозн ния всего под-смотренного-подслуш нного. Слух и зрение в ней крепко сплетены, вообще не встре-ч ется логических умоз ключений, только снятые и н прямую брошенные н бум гу чувств .

Отсутствие оценки происходящего, кон-ст т ция произошедшего через чит теля до-водит некоторые тексты этой книги до величественных п нор м, где Босх, Брейгель, Кр н х и Пик ссо ст новятся нер зделимы. От «После Освенцим » до «Куп ния мон -хинь» тянется нить существов ния в теле. От «Уд йпур » до «Моей оды к р дости» — нить существов ния душой. Это документ льн я поэзия, русские «З писки у изголовья», где изящество речи — не жест, устройство го-лос . И именно тексты о пении позволяют з -глянуть з изн нку произносимого: для цве-тов и птиц проповедь не говорится, поётся.

*А (душа) надевает полукофурны,
румянит лицо поверх бледной маски,
выходит, являя бельканто.*

*Унизительно. Проклято и вожделенно.
Как единственно верное слово,
как матери слово.*

(Ит льянск я опер в пейза же)

Книга 01. Александр Петрушкин. «Подробности»

Вы никогд не видели, к к впервые говорит со священником человек, долгое время от церкви отрстр нённый? Его речь через смущение и призн тельность меш ет обычные сло-в с внез пно вырв нными из глубин п мяти книжными рх изм ми, словно он говорит не с т ким же живым человеком, с вопло-щением всей той ушедшей вслед з Китежем культуры, котор я только для говорящего в д нный мир единок зово всплыл , и в эту встречу необходимо вдохнуть всё собр -ное-постигнутое. Возможно, вы с ми т к говорили. Упрямо, последов тельно, убеж-дённо, и совершенно невыносимо для слу-ш ющих со стороны. При т кой речи в шим собеседником должн допуск ться презумп-ция осмысленности, без неё ди логу никогд не состояться. Поэзия Алекс ндр Петруш-кин исповед льн , но он р сск зыв ет не о грехе, о чуде, о невыносимости жить с этим зн нием, о необр тимости т кой жизни.

*Есть три молитвы у меня:
одна из них, как гроздь — вина,
вторая — где благодарю
за данный стыд мне и вину,
и третья — радостна, как горе,
невероятная, как смерть,
звонит ключом твоих присутствий
и отпирает неба ветвь.*

Что дел ет тот, кто увидел нечто, идущее вр зрез с общепринятым? Он собир ет сви-детельств у других, смотрит существующие термины в речи тех, кто соприкоснулся с чудом р нее его. При прохождении стихотворений Алекс ндр Петрушкин человек, об-л д ющий высоким уровнем н чит нности, р дотно узн ет любимые строки из Юрия К з рин , Вит лия К льпиди, Андрея С нни-

кова или Романа Тягунова. Но Александр не имитирует чужую речь, при составлении карты собственного мира он помечает все места, посещённые ранее теми, кого он любит и ценит. Частично именно из этой любви он и начал это смертельное, но захватывающее путешествие по ту сторону речи, где смысл не прочитывается, а срисовывается в память, чтобы впоследствии каждый, раскрывший флакон стихотворения, мог бы увидеть отдельный мираж с медленно в полумраке растёгивающей воротник женщиной, с сидящими на берегу рыбаками, книгой греческих мифов, картинки в которой шевелятся, с зависшим в воздухе снегом и колышущимися, словно занавески, стенами домов. И ещё Александр придумал не бояться смерти, он решил, что уже мёртв, его тело не существенно, потому все истории рассказываются от лица души, которой ничего не страшно: всё уже произошло. И разговор со священником неожиданно перетекает в другой, более важный и единственный Разговор.

*так водомерка может оторваться
от отражения слепого своего
оставив лапки — только и всего.*

(Водомерка. Евгению Туренко)

Книга 03. Вадим Балабан. «Нулевая палата»

У японцев есть понятие «моно-но аварэ», примерно переводимое «как красота увядания вещей». Стихотворения Вадима Балабана мне представляются как побитые временем предметы, части интерьеров или объекты в пейзаже, вроде треснувшего валуна у дороги. То есть ты к ним приближаешься, и у тебя начинают проявляться поверх твоей памяти некоторые диалоги, сюжеты, ощущения, до встречи с этими стихами отсутствовавшие. Например, зеркало с осыпавшейся амальгамой в створке раскошегавшегося шкафа бубнит шёпотом:

*каждое утро мне птица вонзает в слух
свой щебень и я просыпаюсь в двух*

*местах одноврЕменно на скомканной
простыне
вижу комнату и тебя на золотом слоне
у океана / чёрные облака
заслоняют в зеркале двойника...*

(отклонись на 10 градусов 10 лет)

Мир умирает каждое мгновение. Мы сами умираем каждую минуту, похожие на яблоню, с которой с одинаковой периодичностью один за другим облетают листья. И так страшно от такой монотонности, что хочется сорвать все листья разом, оборвать вместе с ветками. Но что-то удерживает, и, заныв бурю поглубже, ты сидишь и считаешь: пять тысяч восьмой, пять тысяч девятый... Должен быть же какой-то противовес наблюдаемому? Да, вот эти стихи.

*а помнишь как в 16-м году
ещё не жили но уже умели
и клёны жгли прохожих на виду
потрескивая день ему шумели*

*и чердаки с подвалами текли
по боковому зренью из природы
где собирались пыльные тюки
всех опытов накопленных за годы*

*и годы/ ты печальная на треть
и изначально в женственности смуглой
привык тебя по памяти смотреть
не покидая комнаты со стулом.*

А сейчас непосредственно по текстам. Чтобы читать Вадима, не нужно становиться Вадимом. Не нужно пытаться подключиться к его эмоции, узнавать что-либо о нём. Больше всего стихотворения Вадима Балабана напоминают комментарии к китайской «Книге перемен» или «прорицания» Нострадамуса, которые указывают определённые связи в мире. Представьте вышивку с обратной стороны, где лицевой узор выглядит серией цветных узелков. Вот такие узелки Вадим Балабан находит и записывает. Чтобы хотя бы узелки сохранились.

Книга 05. Владислав Семенцул. «Трубка полного снега для быстрого бега»

Когда человек действительно талантлив, невозможно отличить, где он живёт, где придуривается. Владислав Семенцул талантлив невероятно, до того, что ощущается, как некие идеи управляют его жизнью поверх разум и элемент рной осмотрительности. Но ведь прокляты ет почему-то. И стихи написаны против всех мыслимых и немыслимых привил, держатся, дышат.

БЕЗУПРЕЧНАЯ ВЕРА

*я верю только
в Чапаева
яблоку Антонова
и в лампочку
которая загорается над головами
собак
да будет так!*

Существовали ли когда-то чинри-обэриуты, превращали ли собственные жизни в произведения искусства, влияли ли мленькими звёздочками в дюрль Эпохи большой нелюбви. Очень просто принять творчество Артём Быков и Владислав Семенцул — неуклюжую кляку блистательной игры Александр Введенского и Даниил Хармс. Но нет. После ОБЭРИУ были и Сергей Холдин, и Олег Григорьев, и другие святые фрики. Сейчас эти, из УПШ. Вячеслав Бутусов пел: «Воздух выдержит только тех, кто верит в себя». Владислав, похоже, верит. Верит настолько, что способен ходить по воздуху. Во всяком случае, его стихи висят в пространстве, игнорируя гравитацию всякой логики.

Книга 06. Янис Грантс. «Коньюктивит»

Кем только Янис Грантс не называли (от сыночек Хармс до Урльского Трентино), как кой только трюдици не приписывали.

Андрей Сеничкин, не против, отмежевывая его от УПШ, скажет, что Янис мог возникнуть в любой точке Земли, хоть в Африке, хоть на Земле принцессы Елизаветы, потому что суть этого поэта — в зрелищности тоскующего морем и мировой культурой, без привязки к конкретной родине. И когда читаешь у Яниса — мое обычное бытовое стихотворение, внезапно обнаруживешь в нём скрытое латинское выражение «Dura lex, sed lex» (Закон суров, но это закон):

*день промок.
и ты промок,
добираясь вплавь.
закрывайся на замок.
сковородку ставь.
жарь яичницу из трёх.
кофе заваргань.
(просто дура! дура, Лёх!
дура, а не дрянь!)*

*ты излечишься (тик-так).
справишься (тик-так).*

*только это всё не так,
даже если так.
(тик-так)*

А когда Янис говорит о конкретном поэте, получается, что говорит обо всех поэтах сразу, обрхетипе человек — негел (рядом форточка Пастернака и птичий профиль Мандельштама):

*через форточку — надёжней,
ибо — нарастах.
там и млечный путь проложен
в нескольких местах.*

*без квитанций и таможен
сразу — за кордон.
если что, то ждёт в прихожей
кепка вверх гнездом.*

(Евгению Туренко)

Только ощущение, что стихотворения Яниса Грантса сразу существовали в учебнике будущего и к ним попали случайно.

с зазевавшимся путешественником во времени, замкнули петлю. Не верится, что эти стихи можно написать. Стихи как бы самозародились, а поэта может и не быть.

Книга 07. Дмитрий Машарыгин. «Всё проще»

В личной беседе Дмитрий Машарыгин мне сказал, что его стихи без него существовать не смогут. Они живут лишь в момент прочтения, как музыка, слетающая с пальцев гитариста. И книга — тот же диск, сохраняющий прежде всего голос. Не партитура, а непосредственное исполнение автором. Помню, что я возмущался, пытаюсь донести, что каждый читатель видит свой собственный текст, мы только задаём направление его мысли. И вот я читаю книгу Дмитрия и понимаю, что не в силах избавиться от его интонации, темпа, характерных пауз, всё пропитано невозможностью вариации. Дмитрий Машарыгин — это такой анти-Грантс. Если Янис — сверхновая, то Дмитрий — чёрная дыра, всасывающая в себя весь окружающий мир, не заимствующая, а собирающая собственную сверхплотность.

*хорошо отрезать тебе хлеб
хорошо из нережущих рук
вынимать человеческий свет
выговаривать яви вокруг*

*что за счастье во тьме говорить
что одни только губы не в слух
всё отчётливее твои —
тьнь земная конечный звук*

*я смотрю на тебя из любви
как бы голос в значении всём
чем быть мог бы и дальше живым
чем быть мог бы до тьмы голосов
(хорошо отрезать тебе хлеб)*

Явно видно сквозь сплетение многих вещей деформированное под большим давлением стихотворение Андрея Санникова:

*Мне снится медленный сон.
Мне снится пористый стол.
И поднимается пар
из шевелящихся пор.*

*И для меня на столе
ты режешь каменный хлеб.
И из порезанных рук
сочится круглая ртуть.*

Ещё пример втянутой речи:

*Карандаши. Страна Россия.
Я только слово напишу.
Всё будто непроизносимо.
Всё будто бы произношу.
Карандаши. Страна Россия.
Как слово Смерть
Как слово Жизнь Любовь по силам
Как Сверх*

Видно начало стихотворения Романа Тягунова:

*Я никогда не напишу
О том, как я люблю Россию.
Мне этой строчки не осилить,
Тем более — карандашу.*

При этом я подчёркиваю, что стихи Дмитрия — не плагиат, а некоторое алхимическое делание. Опять же проведём линию к Янису Грантсу: Янис взрывается, превращается в скрещивающиеся ветра, гонимые по всей атмосфере, а Дмитрий, напротив, пытается собрать себя заново, скрепив чужую пыль, сваять себя из существовавшей красоты, превратиться в концентрат всего поэтического на его вкус. Станет ли итоговый «философский камень» уникальным? Возможно, позже, сейчас же один из самых ярких текстов в книге всё-таки продолжает звенеть Леонидом Губановым:

*Снег в Господних лесах, словно снег
в сентябре,
ночь одна — сумасшедшая, лишняя
чтобы руки горели и снег в них горел
я горю, исчезая, по личному*

делу — такому же, как рождество,
то есть чуду — и чуда исходнику
меловая ненужность как женский живот
либо голое тело господнее

Это ветер и в ветре чужая трава
всё, чему есть касание, сходится
До пределов своих и любви торжества
сумасшедшего тела господнего

воздух, свет и покой — никого нет, меня
нет, тебя нет — так пялит огромное
восходящее в руки как тело одна
рука сонм частиц — белое облако

по всему горизонту так быстро что нимб
разгоняется до разговорного
языка не людей, но до всех остальных
языков вне возможности воздуха
(Снег в Господних лес х)

Книга 13. Сергей Ивкин. «Голая книга»

К к говорит Львёнок Череп хе в советском
мультфильме: «Не могу же я петь песню с м
про себя», т к и я не могу д в ть оценку
собственной книге. Сообщи в жное: у неё
было дв ред ктор , к Алекс ндру Петруш-
кину присоединился пермский поэт Андрей
М нсветов, я пошёл н эксперимент, по-
зволил порез ть тексты, т к к к с м р бо-
т л с н чин ющими втор ми, отк з ться от
себя состоявшегося. Большую ч сть м тери-
л для несостоявшейся книги «Мне стр ш-
но, М ртин» ещё до Алекс ндр с Андреем
порез л ек теринбургский поэт Ек терин
Симонов . В итоге получился предельный
концентр т, менее музык льный, более зри-
тельный. Чит ть его нужно шёпотом, беречь
связки.

в сумерках тело становится цвета бумаги
библии Гутенберга

чтобы любить тебя
надо отказаться от человека
ждать а не желать

избранные места
наизусть

Книга 16. Андрей Тавров. «Снежный солдат: книга стихотворений в прозе»

Что дел ет прозу стихотворением? Ошеломле-
ние! Чудо стихотворения в неполном счита-
в нии, ч сть смыслов подменяется кр сотой
дых ния, изяществом гр фики, утончённостью
опис ния. Лишите текст всех форм льных
призн ков стихотворения, но н сытте его со-
путствующими темнот ми и кр сот ми, чтобы
погруж ться в т кой текст, словно в прониз н-
ную солнцем воду, чтобы плыть в нём, следя
з пузырьки ми, р збег ющимися от твоих
собственных ж бр. Мой учитель Андрей С н-
ников говорил, что хорошее стихотворение
меняет человек , что-то перепрошив ет в нём.
Андрей Т вров пишет свои суггестивные «ви-
русы для созн ния» р ди т кой перепрошив-
ки. И проплыв я книгу н сквозь, н чин ешь
скл дыв ть истинный смысл этих писем:

Все ваши судьбы записал я на коже моей
изнутри золотыми чернилами. Крикну
от боли
— и нет судьбы, а взамен — другая запись,
про девочку эллу, про короб света.
Про друга да про
отца моего — бога вашего, вами убитого,
ждем, как землей, засыпанного.
(Лебедь)

Лев твой внутри и снаружи, но запомни,
что внутри важнее, чем снаружи, потому
что главное мира расположено у тебя
под кожей, неважно, лев это, бабочка
или женщина — все это ты сам, и нет
в час льва двоих или троих, и нет команды
или корабля, но лев это и есть
ты и женщина, и ее горячее чрево, тебя
рождающее под вопли кошек и хрип
Левифана, под
срад умершего на чердаке бродяги, чей
язык уже жрут черви, а в лифте
стоит его смрадный

*двойник, не давая живым забыть
о том, куда идет их тело, влача за собой
истошную душу.
Все главное жидется под кожей твоей.*
(Лев)

*Не соединиться людям снаружи ни
у Фермопил, ни под Сталинградом,
ни в Василии
Блаженном. Только внутри — общая
подкова, сосна и тень на дороге.
Внутри — дождь
над поющей рекой, там же — Престолы
и Начала.
Иди внутрь. Телесный огонь станет
огненным телом — сияньем Габриэля,
колечком
на утином горле, а ноги станут следами,
а руки касаниями, а череп вмятиной
на подушке. Тем, чем был изначально.
(Пастухи)*

Андрей Тавров возвращает своим читателям счастье мифологического сознания, когда каждая вещь обретает оборотную сторону:

*Та сторона есть у голоса, ветра, яблока,
слова, некоторых (о, не всех!) стихотво-
рений. У всего живого.*
(Видеть чайку)

А как только ты откроешь эту оборотную сторону, так поймёшь, что с оборотной стороны все вещи связаны. Останется только попросить самого себя вспомнить пароль в духовный интернет.

Книга 18. Нина Александрова. «В норе»

В Екатеринбурге есть студия художников, куда каждую субботу приглашают какого-нибудь поэта, чтобы тот полтора часа читал стихи, а за это время его будут рисовать. Но не академически, а свои впечатления от него и его стихов. Когда пришла очередь Нины Александровой, художники неожиданно оживились: «Ваши стихи такие зрелищные,

яркие, чувственные, живые. У остальных лирика мрачная, тяжёлая, холодная, а ваша дышит счастьем и нежностью». «Это потому, — ответила Нина, — что все мои стихи исключительно о Смерти».

Нина Александрова скорее пишет фило-софско-мифологические трактаты, ужатые до формы стихотворения, чем шлейф собственной жизни. Её тексты — результат долгих духовных исканий в областях потусторонних. Даже редкая для Нины любовная лирика больше рассказывает о метафизических сквозняках, которые вызывает нестабильная человеческая привязанность, чем собственно о происходящем между людьми.

В некотором роде Нина осуществила мечту Андрея Дмитриева, потому что написала тексты для «священнодействия посреди бубонной чумы». Начни их произносить вслух, и ритуал образует сам собой.

ЗВЕРИНЫЙ СТИЛЬ

*бьются звери в руках
щука в моих висках*

*справа бобер
слева горностай*

*имя твое оберег
спрячь его в кулаке*

*не учуют следов
мы пойдем по воде*

*шепчутся и кричат
ангелы у плеча*

*здесь бояться нельзя
не закрывай глаза*

Книга 20. Кирилл Новиков. «дк строителей / и / пиво крым / и / младенец воды»

Главным открытием серии для меня стал Кирилл Новиков. Маститых авторов я давно

зн ю и люблю, незн комые принял лись с
опской. Кирилл же шумно прошёл в ком-
н ту моей головы, повесил н гвоздь в стене
куртку, рухнул в кресло, вытянул ноги и з -
говорил. Будто мы с ним были зн комы не
один десяток лет. Я согл сен с тем, что Ки-
рилл соотносят с ли нозовц ми, но он при-
шёл к сходству не из подр ж ния, из сход-
ной стр тегии выжив ния. В этих стих х
неск з нного гор здо больше, чем выявлен-
ного. Они н сквозь состоят из эллипсисов, из
н мёков и пок чив ний головой, кив ний.
Кирилл не р сск зыв ет, не удивляет, не с -
мовыр ж ется, он р зл мыв ет некоторое
осозн ние, словно хлеб, и половину протя-
гив ет чит телю. Т кой поэтический Чехов,
д ющий тебе одну-две дет ли, з которыми
ты с м всё допишешь, согл сишься.

ХОББИ

Смотрю на неё,

спрашиваю:

*«А ты, перед тем как написать
что-нибудь хорошее,*

читаешь что-нибудь хорошее?»

Она смотрит на меня

с плохо скрываемым презрением

*(видимо, я не первый, кто задаёт ей
такой вопрос)*

и отвечает:

«А ты, когда съешь что-то вкусное,

будешь срать пирожными?»

Она всегда придумывает дурацкие

сравнения.

Я не знаю, что отвечать на такие вопросы,

и говорю:

«Я тебя полюбил за слова в твоих стихах».

«Это, — говорит она, — хобби,

а на жизнь я зарабатываю тем,

*что е***ь за деньги».*

Когда шёл от неё —

купил хлеба.

Для Кирилл верлибр — не с моцелен,
просто школьные првил в т ком ди логе
только меш ют, тем более — когд поэзия
ост ётся и без них. Дум ю, Кирилл мог бы

созд в ть изящные музык льные вещи, но
точность для него в жнее кр соты звуч ния.

НЕЖНОСТЬ

*иногда накатывает нежность
какой-то необъяснимый трепет
и хочется ласкать тебя
комбинациями соответствующих друг
другу*

*по смысловой нагрузке и звучанию
слов*

*и ты принимаешь эти слова
они, как тёплая вода из душа
и как потоки горячего воздуха
откуда-то снизу
заклучают тебя в светлую оболочку*

*и ты позволяешь в такие моменты
трогать тебя руками
ты просишь меня об этом
но с этим нельзя торопиться
ибо, как только я притронусь к тебе
нежность перестанет нарастать
оболочка вокруг тебя потускнеет
и слова станут такими же бесполезными
как те, что подбираются
исключительно для рифмы*

Книга 21. Аркадий Застырец. «День шестой»

Не т к в жно, Алекс ндр Петрушкин или
с м втор собир ли это м ленькое избр н-
ное, получилось оно полной противополож-
ностью тому изящному язвительному Дон
Кихоту, которого я зн ю. «День шестой» —
книг уст лого м стер , нелюдимого и обид-
чивого Микел нджело, он серьёзн , хорош
и печ льн . Д же когд чит ешь её с мони-
тор , бл знится, что белые стр ницы подвер-
г ются фотофильтру ст рения, египетский
шрифт обр ст ет з сечк ми, превр щ ется в
елиз ветинский. Ник кой игры н публику,
одинокое говорение, поним ние всего и вся.

Прежний Дон Кихот мельк ет лишь одн ж-
ды, н взрыве гомерической ярости, но быстро

возвращается в рамки сохранения своего рыцарского достоинства. В книге нет гарцевания, автор словно бы сошёл с коня и шагает по своей земле, говорит с людьми просто и искренне.

Однако такой искренности не существует без документальности, потому Аркадий Застырец плотно связывает свою речь с географией и историей малой родины, его конструктивистский Екатеринбург разрастается из нескольких строчек во все стороны, в прошлое и будущее одновременно. Экскурсы в культуру у Аркадия Застырца, эти сочинённые сокровища — такой антизоповский язык, который не якобы скрывает явное, а, напротив, привлекает невидимое, используя понятные его сверстникам и землякам имена, через которые поэт выживает тончайшие, незамечаемые связи, которых сам пугается, но глаза не отводит.

РОДЧЕНКО И ВАРВАРА. 1932

*С утра Варвара моется в тазу,
Отночевав, нагая, молодая...
А Родченко с искателем в глазу,
От всяческого голода страдая,
Её навек снимает в серебро,
Вослед недовведённому зачатью
Судёт себе бликующей печатью
Тавро под угловатое ребро.*

*Под чёрной тенью Родченко руки,
Из-за наклона, в сущности, безличны,
В тазу вода, колени, позвонки
Революционно гелиографичны.*

*Но погоди! Всего лишь век иль миг
То утро неизбытое прострочит —
И, мокрая, в тазу Варвара вскочит
И схватит, хохоча, со смертью стык.*

Книга 22. Андрей Санников. «Мирись. Прощайся»

На обложке книги «Мирись. Прощайся» написано, что в этих стихотворениях важным является состояние крайней экзальтированности и (по этой причине) неразличение правил «хорошей поэзии». В личной беседе Андрей Сан-

ников рассказывал, что ему важно сохранять стихотворения-коробочки: несколько загибов картона, пара скрепок. Главное — жизнь, а стихи просто фиксируют важное. Начнёшь что-то улучшать — исчезнет присутствие, вероятность, картинка потускнеет.

*сказал мне врач с иглой во рту
«стоят у входа в темноту*

*у входа в эту темноту
(вон в ту)*

*12 гипсовых берёз,
у каждой остеопороз*

*ведь кто-то их же посадил
оштукатурил побелил*

*наклеил листья на клею
(тебе налить тебе налью)*

*и каждая берёза др***т»
а умирующий хохочет*

он знает воздух но не хочет

Да, — он же качает головой, — стихи выше жизни. Но ведь надо же иногда себе сказать, что ты не красуешься, ты — именно такой, каким вырос, воспитался, вытерся о стены, углы. Данная книга сложилась из намеренных стихов-нестихов, из мычания, стога, сдерживаемой брани.

*Не надо больше никаких стихов.
Ты не имеешь никакого права
безбожно и, не понимая слов,
записывать и точку ставить справа.*

*Я говорю всё это не тебе
и не себе, а собственному горю,
своей неполучившейся судьбе.
Вот, собственно, и всё. А я не спорю.*

А размещённый под одной обложкой со стихами интернет-дневник — зеркальное отражение, «та сторона», второе лёгкое, вторая колонка для стереоэффекта. Стихи

объяснять бессмысленно, но д ть им необ-
ходимый эмоцион льный фон — впустить
чит теля в собственный с д р сходящихся
тропов. Андрей С нников — изобрет тель.
Сейч с вот изобрёл стереокнигу.

*Тащит меня и таращит, подбрасывает,
катит, как по асфальту жестяную
полумятую
банку предгрозовым пыльным ветрищем —
дождь сейчас ударит по лицам, как оса.*

*Стихи начнутся. Не хочу, не надо,
отстаньте, не надо стихов! Опять!
Говорят со всех
сторон одновременно. Голоса и голоса,
голоса!*

*Как будто с новой женщиной в первый раз
в постель ложишься и она хочет тебя
больше, чем ты её.
(Понедельник. 19 июля. Т щит меня
и т р щит, подбр сыв ет)*